

Рамазанов Ислам Рамазанович,
главный редактор журнала «Уголовный процесс», кандидат юридических наук

Защите удалось добиться прекращения «заказного» дела

Практика устранения конкурента с помощью инициирования возбуждения уголовного дела в отношении руководителей предприятия-конкурента, к сожалению, стала реальностью для отечественного бизнеса. Зачастую «казачьи» дела не только наносят ущерб деловой репутации компании, но и разрушительно сказываются на судьбах людей и деятельности организации. Тем ценнее каждый случай, когда благодаря виртуозной работе защитника добросовестному предпринимателю удается доказать несостоятельность обвинений и продолжить работу. Об одном из таких случаев пойдет речь ниже.

Уголовное дело в отношении Михаила Колина¹ появилось почти сразу после того, как он уволился из ОАО «НПО Уралтекс» — одного из научно-производственных предприятий, обслуживающих добывающую промышленность в Уральском федеральном округе. Предприятие являлось своего рода посредником, поскольку не имело своих производственных мощностей и использовало научные разработки, изобретения и полезные модели устройств для капитального и текущего ремонта нефтяных скважин.

Изготовление комплектующих для этих устройств НПО заказывало на одном заводе, конечную сборку осуществлял другой, а само предприятие комплектовало готовые изделия запчастями, упаковывало и поставляло конечному потребителю. Михаил Колин работал в НПО начальником отдела комплектации и отвечал за взаимодействие с поставщиками и изготовителями комплектующих, сборку готовых изделий, гарантийный ремонт.

По словам его защитника, адвоката Анатолия Блинова, в январе 2005 г. Михаил Колин решил уволиться из организации, так

¹ Имена и фамилии фигурантов дела, а также наименования организаций изменены.

ДЕЛО НОМЕРА

как его не устраивали условия оплаты труда. Вслед за ним по той же причине ушло еще несколько сотрудников. Вместе они организовали собственное производство устройств, аналогичных по назначению производимым для ОАО «НПО Уралтекс» предприятиями-смежниками.

Надо сказать, что Колин, имея профильное образование, в свое время помогал изобретателю деталей в их модернизации и, хотя не был соавтором изобретения, хорошо знает все технологические особенности производства как запчастей, так и готовых изделий. К моменту увольнения из НПО он уже самостоятельно разработал несколько промышленных образцов оборудования и запатентовал их.

Появление конкурента, разумеется, не могло понравиться руководству ОАО «НПО Уралтекс». Весной 2005 г. НПО развернуло кампанию по его дискредитации и устранению с рынка. Одним из направлений этой кампании, по словам адвоката, стало инициирование уголовного преследования в отношении Колина.

Версия обвинения

Как следовало из постановления о привлечении Колина в качестве обвиняемого, в октябре 2003 г. он похитил принадлежность предприятию 240 штук (10 наименований) резинотехнических изделий на общую сумму чуть более 51 тыс. руб. По мнению бывших работодателей, начальник отдела комплектации подделал доверенность от имени НПО, получил на складе одного из поставщиков (завода «Протон») резинотехнические изделия, но на предприятие их не привез, а приволок себе.

К такому выводу руководство НПО пришло после того, как за две недели до увольнения Колина провело инвентаризацию, которая и выявила недостачу комплектующих. Обратившись с заявлением в милицию, руководители предприятия указали,

что при сверке расчетов с «Протоном» обнаружилось разногласия. По данным НПО, в октябре 2003 г. предприятие оплатило, но не получило от «Протона» комплектующие на сумму 51 тыс. руб. Однако в бухгалтерии НПО они оприходованы не были. Накладные и доверенности, имевшиеся на заводе «Протон», подтверждали, что комплектующие забирали, и сделал это Михаил Колин.

В отношении Колина было возбуждено уголовное дело по п. «в» ч. 2. ст. 159 УК РФ в редакции от 07.07.2003 (мошенничество, совершенное с использованием служебного положения).

Доказательства обвинения

Доказательства, собранные следствием, состояли главным образом из бухгалтерских документов и показаний сотрудников НПО об обстоятельствах обнаружения пропавших.

Так, генеральный директор предприятия Королев сообщил, что в январе 2005 г. он узнал от начальника производственного управления Колобкова о недостатке резинотехнических изделий, поставляемых заводом «Протон». Колобков пояснил, что отправил на завод за партией изделий водителя, но там ему сказали, что продукцию уже забирал Колин. Тогда гендиректор распорядился назначить проверку и заодно потребовал объяснений от Колина, который, по версии директора, ничего объяснить не смог. Увидев выданную Колину доверенность на получение резиновых комплектующих на заводе «Протон», директор заметил, что подписи на документе явно поддельные. Проведенная впоследствии экспертиза подтвердила, что они действительно не принадлежали ни гендиректору, ни главному бухгалтеру.

При этом директор сообщил, что печать предприятия только одна, она находится у него и никто другой не имеет к ней доступа. Как штампы появились на документе, он пояснить не смог.

Чтобы подкрепить версию о хищении комплектующих Колиным, гендиректор показал на следствии, что в начале апреля 2005 г. беседовал со знакомым менеджером другой сервисной компании Богомоловым который сообщил ему, что Колин неоднократно поставлял на его предприятие резиновые заготовки, аналогичные производимым заводом «Протон» для НПО.

Предположения Королева подтверждались словами его подчиненных, входивших в состав инвентаризационной комиссии, главного бухгалтера, заведующего складом, замдиректора по производству, менеджера по взаимодействию с предприятиями (бывшего подчиненного Колина), а также юрисконсульта.

Так, главный бухгалтер НПО Скворцова подтвердила, что в январе 2005 г. при сверке взаиморасчетов с заводом «Протон» выяснилось, что в октябре Колин получил резинотехнические изделия, но на склад ОАО они оприходованы не были. Однако позже выяснилось, что ОАО «НПО Уралтекс» в 2003 г. выделилось из ОАО «Уралтекс» в отдельное предприятие. В 2003 г. между ОАО «Уралтекс» и заводом «Протон» уже была произведена сверка, которая выявила задолженность на сумму 51 тыс. руб. Тогда же было подписано соглашение об уступке права требования этого долга. Однако все сотрудники НПО сообщили, что при передаче дел от «Уралтекса» в «НПО Уралтекс» все это было учтено, а выявленная спустя полтора года недостача образовалась именно из-за неоприходования на склад указанных изделий Колиным в 2003 г.

Сам Колин, как следует из обвинительного заключения, смог вспомнить, что в октябре 2003 г. вместе с водителем-экспедитором Шаровым ездил на завод «Протон» за резиновыми заготовками и забрал их. Поскольку был уже поздний вечер, домой Колин уехал на своем автомобиле, а водителя попросил

Против обвиняемого сыграло то обстоятельство, что ключевой свидетель на момент первого допроса не смог вспомнить всех деталей событий почти двухлетней давности

поставить грузовик на стоянку и утром отвезти изделия на другой завод, «ФРЗМ», который осуществляет сборку из готовых изделий для НПО.

Против Михаила Колина сыграло и то обстоятельство, что ключевой свидетель, водитель-экспедитор грузовика, на момент первого допроса не смог вспомнить всех деталей событий почти двухлетней давности.

Кроме того, на заводе «ФРЗМ» не смогли сразу найти акт приема-передачи резинотехнических изделий (полученных Колиным на заводе «Протон»), подписанный водителем-экспедитором Шаровым. Позже, во время следствия, этот документ и вовсе был утерян.

Как отметил адвокат, для «ФРЗМ» поставляемые НПО резиновые заготовки были давальческим сырьем, поэтому они не учитывались в бухгалтерском балансе. По сути дела, сотрудники склада завода вели «самодельный» учет поступающего давальческого сырья, составляя акты их приемки в тетрадь.

В августе 2005 г. (спустя почти четыре месяца после возбуждения дела) объем собранных доказательств позволил следствию предъявить Колину обвинение. Но в суде дело так и не было рассмотрено.

Аргументы защиты

По словам адвоката, после того как он ознакомился с материалами уголовного дела, у него оставалось немного времени, чтобы собрать оправдательные доказательства. В этой ситуации адвокат подал жалобу в прокуратуру на процессуальные нарушения, допущенные

следствием при рассмотрении ходатайств подозреваемого и процедуры продления сроков расследования дела. Он указал, что следователь не направил ему копию постановления об удовлетворении или отказе в удовлетворении ходатайств о допросе ключевых свидетелей, выемке документов и т. д., а также необоснованно отказал в их удовлетворении, чем нарушил права обвиняемого на защиту.

Жалоба адвоката была удовлетворена. В результате ему удалось выиграть время, чтобы найти доказательства невиновности подзащитного.

Далее защита была выстроена сразу в нескольких направлениях. Сначала необходимо было доказать, что полученные на заводе «Протон» материалы Колин себе не присвоил, а отправил на предприятие (завод «ФРЗМ»), осуществляющее окончательную сборку готового изделия. Чтобы найти выше-

упомянутый акт приема-передачи изделий, адвокат отправил на завод «ФРЗМ» повторный запрос. Документ нашелся, но в дальнейшем по ходатайству защитника к делу была приобщена лишь его копия.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ДЕЛА. «Допрошенный Амосов И. В. (гендиректор завода «ФРЗМ» — *Прим. ред.*) показал, что <...> с 2001 года до лета 2004 года ОАО «ФРЗМ» сотрудничало с ОАО «Уралтекс». <...> Весной 2005 г. по просьбе бывшего сотрудника ОАО «Уралтекс» (Михаила Колина — *Прим. ред.*) была поведена проверка документации, в которой указывались поступления сырья на склад и отправка готовой продукции.

Колин М. попросил посмотреть поставки давальческого сырья на завод в сентябре-октябре 2003 г. По бухгалтерским документам такой поставки не было. Колин стал настаивать, что такая поставка была. По настоянию Колина он снова дал указание бухгалтерии найти все доку-

«Сложнее всего было заставить правоохранительные органы соблюдать закон»

Анатолий Сергеевич Блинов, адвокат
Тюменской областной коллегии адвокатов

— Скажите, что было для вас самым сложным в деле? На вас не пытались давить или угрожать, ведь речь шла явно о конкурентной борьбе, то есть о борьбе за деньги потребителей?

— Никаких угроз или давления с чей-либо стороны я не ощущал, но самым сложным, разумеется, было заставить работать и соблюдать закон правоохранительные органы. Для этого пришлось часто писать и подавать разного

характера жалобы, обращаться с ходатайствами о проведении процессуальных действий, обосновывать необходимость их осуществления, работать с сотрудниками предприятий, задействованных в цепочке производства оборудования. Естественно, пришлось изучить досконально, что это за изделие и как работает.

При этом мотив «потерпевшего» — убрать конкурента с рынка — был для меня налицо. Этот вывод можно было сделать хотя бы потому, что руководство якобы потерпевшего предприятия рассылало письма в адрес покупателей продукции, содержащие ложные сведения о деятельности фирмы-конкурента, созданной их бывшим сотрудником. При этом в письмах потребителей информировали об уголовном деле на руководителя вновь появившегося поставщика оборудова-

менты по приходу, в том числе и на складе. Хотя там документы храниться не должны. Вследствие данной проверки кладовщица Т. представила акт приема-передачи за октябрь 2003 г., выполненный рукописным способом на тетрадном листе с подписями Т., водителя Шарова. <...> По просьбе Колина он (Амосов И. В. — *Прим. ред.*) дал указание отправить этот акт по факсу и потом передать его в бухгалтерию.

Спустя два месяца Колин запросил оригинал акта, но в бухгалтерии данного акта не оказалось, так как он был утерян. В начале лета 2005 года Колин приехал на завод и попросил заверить копию документа, снятого с факса, что он и сделал...»

Приехав на завод «Протон», адвокат выяснил, что книги регистрации въезда и выезда автомобилей не сохранились. Но почти случайно, в беседе с главбухом завода, он узнал, что при отгрузке комплектующих выдается не два, а три экземпляра счета-фактуры. Один

из экземпляров служит пропуском и сдается охраннику при выезде с территории завода. В дальнейшем этот документ а с отметкой о времени выезда и о марке автомобиля охрана направляет в архив бухгалтерии.

Запросив данную копию счета-фактуры защитник выяснил, что резинотехнические изделия были вывезены 21.10.2003 в 16.58 на грузовике, принадлежащем «Уралтексу», которым всегда управлял водитель-экспедитор Шаров.

После беседы с адвокатом и просмотра документов Шаров вспомнил 21.10.2003–22.10.2003. На повторном допросе он сообщил, что приехал вместе с Колиным на завод «Протон», получил изделия, а затем отвез их на завод «ФРЗМ», но не сразу, а следующим утром, поскольку РТИ были получены к концу рабочего дня.

Его слова подтверждались документами. В бухгалтерии ОАО «Уралтекс»

ния. Печатались статьи в прессе с информацией о деятельности конкурента, не соответствующей действительности. Все эти действия еще до прекращения дела признала недобросовестной конкуренцией Федеральная антимонопольная служба региона, и все вышеуказанное мы смогли приобщить к материалам уголовного дела. Поэтому, думаю, что и решения УФАС тоже сыграли свою роль в деле.

— Вы не пытались привлечь к ответственности за заведомо ложный донос или лжесвидетельство тех, кто инициировал уголовное дело и давал показания?

— Разумеется, пытались и неоднократно обращались с таким заявлением в правоохранительные органы. Однако каждый раз получали отказ

по совершенно непонятным причинам. Вернее, причину можно было понять — органам просто не хотелось разбираться. Кроме того, мы даже услышали такой аргумент, что ответственность по статье 307 УК РФ предусмотрена для свидетеля, только если ложные показания он дал непосредственно в судебных слушаниях, хотя это прямо противоречит диспозиции статьи. Был и такой аргумент, как «сложно установить, кто из двух свидетелей и в каком объеме дал ложные показания» и тому подобные объяснения.

— Каковы сейчас взаимоотношения этих двух предприятий?

— По моим данным, конкуренты больше не воюют и, видимо, сосуществуют в рамках, разрешенных законодательством.

нашлись: командировочное удостоверение от 21.10.2003, план-задание и чеки. Все эти документы подтверждали, что Шаров находился в командировке на заводе «ФРЗМ» в период с 22.10.2003 по 23.10.2003.

Поставку полученных на «Протоне» резинотехнических изделий в количестве 240 штук 22.10.2003 подтвердил на допросе и директор завода «ФРЗМ». Наконец, факт выдачи акта приема-передачи подтвердила и сотрудница склада, которая собственно и составляла его. Она же сообщила, что резиновые изделия привозил Шаров, о чем в акте имелась его подпись. Последующую пропажу документа она объяснила тем, что передала его для отправки копии по факсу другой сотруднице, поскольку сама не умела пользоваться факсом.

Адвокат смог доказать, что полученные Колиным материалы были не только доставлены на завод «ФРЗМ», но и использованы этим заводом при сборке готовых изделий, которые в дальнейшем были переданы в ОАО «НПО Уралтекс». Об этом прямо заявили сотрудники завода «ФРЗМ» во главе с директором. В подтверждение своих слов они представили документы, которые по инициативе защиты были приобщены к делу.

Руководители и сотрудники «НПО Уралтекс» попытались отрицать факт получения от завода именно названных 10 изделий. Они объяснили, что все изготовили сами, так как у них на складе имелось достаточно резинотехнических и иных комплектующих для производства готовой продукции.

Однако доказательства, представленные защитником Колина, опровергали эти слова. Адвокат запросил у ОАО «НПО Уралтекс» копии актов о передаче остатков комплектующих со склада ОАО «Уралтекс» в ОАО «НПО Уралтекс» на момент, когда, как утверждали сотрудники ОАО, они сами изготовили изделия. Затем адвокат сделал запрос специали-

сту — изобретателю готового изделия, которыми торговало ОАО, с просьбой ответить, можно ли было из имеющихся остатков комплектующих собрать изделие.

Заключение было категоричным и эмоциональным. Специалист назвал нонсенсом возможность изготовления восьми изделий в ситуации, когда комплектующие имелись только к двум. Кроме того, он указал, что сборка изделий может быть произведена только в заводских условиях, которых «Уралтекс» никогда не имел.

Еще одно направление работы защиты заключалось в акцентировании внимания следствия на явных противоречиях в показаниях свидетелей обвинения. На заводе «Протон» защитник обнаружил множество доверенностей, выданных разным сотрудникам ОАО «Уралтекс», с дефектами формы, аналогичными тем, что имелись на доверенности № 286, которую якобы подделал Михаил Колин.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ДЕЛА. «Свидетель П. показала, что работает в должности заместителя главного бухгалтера ОАО «Уралтекс». <...> Доверенности хранились в столе у бухгалтера... были незаполненные, но в них уже имелся оттиск углового штампа с реквизитами фирмы. Оттиск штампа не обязателен, реквизиты фирмы можно указать в доверенности рукописным текстом, что не будет являться нарушением... Получив доверенность, сотрудник ставит подпись в журнале учета доверенностей. Бухгалтер ставит подпись с расшифровкой фамилии, что обязательно. Опровергая показания Королева (генерального директора ОАО «НПО Уралтекс» — *Прим. ред.*), она показала, что сам бланк доверенности мог заполнить либо бухгалтер, либо лицо, получившее доверенность по факту получения товара на месте...».

Таким образом выяснилось, что подобное введение в оборот доверенностей с дефектом формы заполнения, а также заполнение

ее на месте получения товара работником, получающим у контрагента продукцию, было для «Уралтекса» устоявшейся практикой.

Далее защитник обратил внимание на путаницу в показаниях свидетелей обвинения. Если юрисконсульт ОАО «НПО Уралтекс» категорично заявлял, что Колин имел свободный доступ к печати организации, то гендиректор ОАО говорил, что никто кроме него лично доступа к ней не имел.

Слова гендиректора о том, что он попросил назначить проверку в январе 2005 г., так как узнал о подделке доверенности, опровергла П., заместитель главного бухгалтера ОАО. Она показала, что только в марте 2005 г. руководитель организации попросил ее проверить доверенность № 286.

Сопоставление показаний сотрудников бухгалтерии и заявителей также указывало на противоречия в вопросах о дне проведения инвентаризации и составе инвентаризационной комиссии. Кто-то пояснял, что инвентаризация проводилась раз в год, другие отмечали, что ее не было уже более двух лет. Подписи членов комиссии не соответствовали фамилиям, перечисленным в приказе руководителя ОАО о персональном составе комиссии, порядке ее формирования и т. д. По мнению защитника, об искажении результатов инвентаризации, и, соответственно, фабрикации доказательств хищения, свидетельствовал тот факт, что в момент увольнения Михаила Колина на предприятии никто не высказал ему никаких претензий. Ему была выплачена зарплата в полном объеме — в сумме 40 тыс. руб.

Защитник ходатайствовал также о допросе бывшего коммерческого директора ОАО «Уралтекс», показания которого полностью опровергли слова гендиректора Королева. Коммерческий директор, в частности, подтвердил, что 22.10.2003 грузовик с резино-

Следователю пришлось обосновать прекращение уголовного дела 30-страничным постановлением

техническими изделиями был отправлен на завод «ФРЗМ» под управлением водителя Шарова. Он утверждал это с уверенностью, так как, по его словам, в этот день он попросил автомашину у гендиректора для перевозки личной мебели в свой загородный дом. Но гендиректор ответил ему, что грузовик уехал на завод «ФРЗМ» с резиновыми комплектующими.

Прекращение дела

Чтобы добиться прекращения уголовного дела в отношении Михаила Колина за отсутствием состава преступления, защитнику пришлось почти два года собирать доказательства и обжаловать различные решения следствия. За это время по делу сменилось четыре следователя. В ноябре 2005 г. оно было первый раз прекращено, прокуратура отменила постановление следователя и указала на необходимость возобновления расследования. В январе 2006 г. обвинение снова попыталось отправить дело в суд, но после очередных жалоб на игнорирование обоснованных ходатайств защиты и грубейшие процессуальные нарушения, рассмотренные судом в порядке ст. 125 УПК РФ, в суде представитель прокуратуры признал их обоснованными, а дело подлежащим дополнительному расследованию.

Только в декабре 2006 г. четвертый по счету следователь принял решение о прекращении уголовного преследования. По словам адвоката, поскольку «потерпевшая» сторона неоднократно обжаловала это решение, следователю пришлось обосновать его 30-страничным постановлением. ■